

М. БОРК-УАЙТ И ЕЕ РЕПОРТАЖИ ИЗ СРАЖАЮЩЕЙСЯ РОССИИ (ИЮНЬ — ОКТЯБРЬ 1941 г.)

А.В. Рассказов

Нижегородский государственный университет

Маргарет Борк-Уайт (1906–1973) по праву принадлежит к плеяде видных американских журналистов двадцатого века, составивших эпоху в духовной жизни своей страны. К сожалению, имена таких мастеров, как У. Липпман, Д. Рестон, Д. Пирсон, Г. Солсбери, Э. Сноу, М. Борк-Уайт и многих других сравнительно мало известны в современной России, оставаясь достоянием преимущественно специалистов в области международных отношений в силу непосредственной близости их профессиональных интересов проблематике, разрабатывавшейся в журналистике США начиная с двадцатых годов — с появлением на международной арене пресловутого «русского вопроса» как неустранимого базового фактора и симптома беспрецедентной политической активности Запада [1].

Выпускница Корнелльского университета, М. Борк-Уайт сравнительно рано нашла себя, обнаружив задатки талантливого фотографа, работы которого позднее украсят многие музеи и библиотеки Америки. Вместе с тем отличительной особенностью этой несомненно незаурядной и отважной женщины следует считать тяготение к синтетичности, совмещению сюжетно и тематически близких и одновременно инвариантных жанровых стереотипов в средствах массовой коммуникации. У М. Борк-Уайт темперамент, вкусы и способности к самовыражению в жанре развернутого фоторепортажа, в котором органично слиты слово и визуальное изображение, четко выстраивающие сюжет с его фоном, переливами света, линией фабулы, выбором угла зрения очевидца и его камеры. Рамки публикации не дают возможности для систематизированного сопоставления обоих вариантов стиливой манеры этого автора. Отметим лишь, что подобным своеобразием, порождающим изумительный эффект правдоподобия и убедительности, отмечено подавляющее большинство ее работ.

Зрелый и наиболее продуктивный период ее творчества — тридцатые и сороковые годы — совпал с крупными структурными переменами в международных отношениях, и это, в конечном счете, определило всю ее дальнейшую судьбу. Освоение профессии М. Борк-Уайт начинала в разных отраслях американской промышленности (на транспорте и в кораблестроении), а также в сельском хозяйстве. Это был канун «великой депрессии», и молодой журналистке удалось передать драматические подробности регенерации производственной ткани капитализма. Далекая от преклонения перед фетишами американской цивилизации, она с подкупающей теплотой и убедительностью воссоздает творческий гений трудящихся и предпринимателей. Как штатный фотограф журналов «Лайф» и «Форчун», представлявших визитную карточку складававшейся медиаимперии Генри Люса, М. Борк-Уайт вписала одну из впечатляющих страниц в летопись американской экономики. В качестве фотокорреспондента этих влиятельных изданий она была аккредитована в Канаде, Германии и Южной Африке. Поистине безграничные возможности открылись перед М. Борк-Уайт в авиакомпании «Панамерикен эйрлайнз», благодаря которой траектория ее спецзаданий приобретает беспрецедентные масштабы, — за неполных десять лет ее фоторепортажи стекались в США из тридцати четырех стран. В годы Второй мировой войны М. Борк-Уайт — корреспондент военно-воздушных сил США в центральной и южной Европе и северной Африке. С мая до середины октября 1941 года М. Борк-Уайт находилась в Советском Союзе, выполняя задания весьма популярного иллюстрированного еженедельника «Лайф». Отметим, кстати, что в предвоенные годы эта журналистка неоднократно бывала в нашей стране.

М. Борк-Уайт — автор целого ряда книг. Особую известность ей принесли «Взгляд, устремленный на Россию» (1931) [2] — на основе книги созданы два документальных фильма [3]; «СССР. Папка фотографий» (1934) [4]; в соавторстве с Э. Колдуэллом: «Вы видели их лица» (1937) [5]; «Север Дуная» (1939) [6]; «Скажи, это США?» (1941) [7]. После России М. Борк-Уайт создает «Боевую хронику войны в Италии» (1944) [8]; «Репортаж о крахе гитлеровского «тысячелетнего рейха» (1946) [9] и ряд других.

Центральным произведением, итогом многолетнего изучения советской России (несмотря на спорадический характер личного знакомства с ней) является, на наш взгляд, книга М. Борк-Уайт «С фотоаппаратом на войне в России» (1942) [10]. На русский язык остается непереведенной, за исключением нескольких фрагментов, воспроизведенных журналом «Иностранная литература» в юбилейном 1975 году [11]. Обращает на себя внимание оперативность, с какой репортажи М. Борк-Уайт, первоначально печатавшиеся в журналах «Лайф» [12] и «Харперс Мэгэзин» [13], к лету 1942 года выходят отдельной книгой. Идя навстречу читателям, издательство «Симон энд Шустер» в 1942–1943 годах осуществило три ее издания. В аннотациях к третьему изданию (1943) бестселлер М. Борк-Уайт стоит рядом с «Войной и миром» и другими книгами, «приближающими победу». Накануне и во время великой Сталинградской битвы подобная позиция представляла нечто большее, чем символический жест. Суждения Л.Н. Толстого о народе как решающей силе истории, его формула секрета победы («Дубина народной войны») и т.п. для многих западных писателей и журналистов, писавших о «русской войне», служили бесспорным эмоциональным ориентиром.

В репортажах М. Борк-Уайт подобные ориентиры получают особенно четкое оформление, обусловленное, как нам кажется, непосредственным участием этой смелой до дерзости журналистки в событиях на фронте и в осажденной Москве. Душа книги «С фотоаппаратом на войне в России» — в нарастающей с каждой страницей уверенности не только в правоте исторической миссии, выпавшей на долю советского воина-освободителя, но и в неизбежности будущей победы. О своей позиции оптимиста автор заявила в предисловии, которое в присущей ей образной и стилистической манере она озаглавила «Белые ночи Москвы». «Когда мы весной 1941 года покидали Америку, — признается М. Борк-Уайт, — мы не знали, как скоро трансирюющие снаряды и зажигательные бомбы будут прочерчивать свой след в небесах России, но мы твердо верили, что в недалеком будущем Советский Союз займет ведущее место на арене мировой истории» [14].

В рассматриваемой книге отсутствует жесткая антикоммунистическая пропаганда, это неотъемлемое качество подавляющей части иностранных наблюдателей в довоенной Москве, но в ней есть нечто принципиально более конструктивное — желание увидеть изнутри жизнеспособные начала в народе и государстве, взявших в руки древний священный меч. Отточенный боевым искусством наших великих предков, этот меч в летнюю и осеннюю кампании 1941 года, как известно, еще не успел нанести ощутимого урона гитлеровским армиям, рвавшимся к Москве. Так случилось, что М. Борк-Уайт не суждено было стать свидетелем того, как Красная Армия, наращивая свою мощь, обретала все большее мужество, а с поражением немцев под Москвой и Сталинградом завладела и стратегической инициативой. Тем не менее по прибытии в советскую столицу журналистка остро почувствовала внутреннее напряжение и противоречивость последних предвоенных дней. Казалось, никогда еще покров тайны, окутывающий Россию, не был так непроницаем, никогда официальная информация не была столь строго дозированной и потому приобретающей особую значимость и вес. Во всяком случае, какими бы неожиданными или юридически сомнительными и политически недальновидными ни представлялись на Западе (а в скрытой форме и в СССР) действия советского руководства, пошедшего на заключение с Германией пакта о ненападении, американская журналистка интуитивно ощутила в демарше Москвы оправдание актуальной политической необходимости. Драматическая судьба великой страны

оказалась воспринятой через призму здравого смысла как самодостаточной добродетели русского человека.

От внимания М. Борк-Уайт не укрылось то специфическое в манерах и поведении рядовых москвичей, что исходило от надвигающейся опасности. Хотя общая атмосфера, царившая на улицах и площадях столицы, не предвещала катастрофического прогноза («Отнюдь не агрессивный пакт между Германией и Советским Союзом был в действии — немцев можно было увидеть во всех лучших отелях, а контролируемая правительством советская пресса не содержала ни одного антигерманского слова» [15]), профессиональный инстинкт подсказывал, что это благополучие взорвется в любой момент. Хрупкость и иллюзорность момента усугублялась тем, что, несмотря на возрастающее беспокойство, никто открыто не обсуждал вопрос, откуда следует ждать агрессию. «Как бы то ни было, — признается М. Борк-Уайт, — я с интересом наблюдала, как человек на улице открывал утренний выпуск «Правды» или «Известий» и, наткнувшись на информацию о потопленном фашистами британском корабле, болезненно переживал случившееся, как если бы было потоплено советское судно. Когда на другой день тот же гражданин читал о том, что английские летчики уничтожили необычно большое число немецких самолетов, он трогал своего соседа за руку и делился с ним добрыми вестями» [16]. Подобные факты убеждали журналистку, что «русский народ воспринял пакт как «брак по расчету», заключенный советской стороной с той целью, чтобы в оставшееся мирное время с наибольшей эффективностью использовать производственный потенциал предприятий оборонной промышленности.

В этой связи необходимо отметить, что свою миссию в России М. Борк-Уайт увязывала не в последнюю очередь с широкой просветительской кампанией за ознакомление американской общественности с особенностями русского национального характера, его историей, культурой и традициями героической доблести. Чтобы американцы эффективно боролись за приближение победы русского оружия, они, полагала журналистка, должны больше знать в первую очередь о его историческом прошлом. Взгляд на историю далекой страны, несомненно, может помочь придать «русскому вопросу» более реалистическую окраску. Исходя из подобных соображений, М. Борк-Уайт напомнила своим соотечественникам о таких важнейших вехах в становлении российской государственности, как изгнание немцев с Украины в 1918 году и победа «великого русского героя» Александра Невского над тевтонами в тринадцатом веке. И «народ не забыл об этом» [17]. Как характерный и высокоэффективный симптом к поддержанию в народе высокого патриотического порыва расценила американская журналистка знаменитый фильм Сергея Эйзенштейна о поражении немецких псов-рыцарей. Поскольку в самый канун войны эта картина уже не могла оставаться на экранах, для М. Борк-Уайт и Э. Колдуэлла была организована частная демонстрация, причем русский режиссер выразил уверенность, что запрет в скором времени будет снят [18].

Подобные признания служили для такого вдумчивого репортера, как М. Борк-Уайт, дополнительным, хотя и косвенным подтверждением того, что сближение Москвы с сильным и опасным врагом было сугубо вынужденным. К чести М. Борк-Уайт и Э. Колдуэлла следует сказать, что в отличие от некоторых из своих коллег они придерживались более умеренной позиции в оценке многих обстоятельств общественно-политической жизни СССР. Это позволило им, в частности, остаться в стороне от нашумевшего инцидента вокруг речи И.В. Сталина перед выпускниками военных академий (5 мая 1941 года) [19]. В открытой печати текст выступления советского лидера был воспроизведен в кратком изложении ТАСС. Причем с подчеркнутой многозначительностью было отмечено «исключительное внимание» аудитории к словам вождя. При этом, по всей видимости, имела место утечка информации. Слухи о том, что, как пишет М. Борк-Уайт, «главной темой обращения И.В. Сталина к выпускникам военных академий Красной Армии был тезис «Германия наш реальный враг», оказались настолько сенса-

ционными, что некоторые иностранные корреспонденты, действуя в обход советских законов, поспешили передать информацию, представлявшую, по сути дела, государственную и военную тайну, по назначению» [20]. М. Борк-Уайт хорошо усвоила правила, касавшиеся этики и статуса зарубежного репортера в СССР, особенно инструкции Наркоминдела и Главлита относительно того, что любая информация, не прошедшая предварительную цензуру, считается контрабандой, а ее инициатор подлежит немедленной высылке за пределы СССР. Тем более любопытен курьез, происшедший с журналисткой в ходе ее совместных с Э. Колдуэллом радиотрансляций на Америку [21].

Показателен, однако, тот поистине беспрецедентный факт, что вопреки строжайшей цензуре и другим ограничениям, введенным в отношении иностранных журналистов в Москве, с осени 1941 года объявленной на осадном положении, М. Борк-Уайт удалось преодолеть, казалось бы, непреодолимое. С самого начала массированных воздушных атак, когда по законам военного времени любому, рискнувшему показаться на улице с фотоаппаратом, грозил расстрел на месте, ей, единственной женщине-фоторепортеру, вручают удостоверение («паспорт»), открывавшее, по существу, любую дверь — и в солдатскую землянку, и в госпиталь для военнопленных, проходные фабрик и заводов, к людям у власти, к самому И.В. Сталину...

Разумеется, высокий престиж Э. Колдуэлла, его обширные связи с творческой интеллигенцией Москвы в известной мере облегчили М. Борк-Уайт знакомство с разными ликами войны, включая действующую армию и труженников тыла. Вместе с тем нельзя не учитывать обаяния этой находчивой и по природе очень доброй женщины, ее большого профессионального опыта и выдающихся личных достоинств: эрудиции, осведомленности в политических и социальных вопросах, информированности в проблемах международных отношений. Эта американка часто могла постоять за себя, быть настойчивой и дипломатичной в достижении цели, собранной в экстремальных ситуациях, готовой к неожиданностям. Наряду с этим она была глубоко романтической натурой, пронесшей через ужасы войны тягу к красоте и гармонии.

В М. Борк-Уайт привлекает и то, что она, пройдя хорошую школу отечественной журналистики, относилась к ней без догматического подобострастия, гибко и весьма тонко понимала ее применение к многогранному жанру фоторепортажа. В этом смысле М. Борк-Уайт следовало бы отнести к тому весьма плодотворному и богатому традициями течению, которое принято обозначать термином «Personal Journalism», т.е. независимая журналистика, в своем освещении событий ориентирующаяся не на идеологию, а на профессионализм, решительно не приемлющая распространения фальшивок, лжи и дезинформации [22].

Начало войны со всей очевидностью показало, что западные демократии сразу же встали на сторону СССР. М. Борк-Уайт с понятным удовлетворением восприняла заявление У. Черчилля о готовности Великобритании оказать всю необходимую военную и экономическую помощь жертве фашистской агрессии. С таким же воодушевлением отнеслась она к решению президента США Ф.Д. Рузвельта направить в Москву своего специального представителя Г. Гопкинса. При этом журналистка не преминула сообщить своим согражданам, что «президент Рузвельт очень популярен в Советском Союзе — гораздо более популярен, нежели его предшественник Герберт Гувер». Что касается эмиссара американского президента, «он покорило все сердца». «Это случилось отчасти потому, — с трогательной доверительностью добавила М. Борк-Уайт, — что моя самая ответственная фотография, сделанная в Советском Союзе (на которой Г. Гопкинс стоит рядом с И.В. Сталиным. — *А.Р.*) стала наконец свершившимся фактом» [23].

Вместе с тем первые же недели Великой Отечественной войны высветили для американского корреспондента нечто гораздо более важное — весь драматизм создавшегося положения и ту исторически и по нравственному императиву осознанную ответственность каждого советского гражданина, которая вылилась, в

частности, в беспрецедентный по своим масштабам приход добровольцев в Красную Армию. Наряду с этим перо и камера М. Борк-Уайт запечатлели незабываемые подробности далеко не простого, продуманного и мобильного процесса приспособления страны к новым условиям, в этой связи нельзя не сказать о поразительной оперативности журналистки, ее способности ориентироваться в непредвиденных, зачастую строго регламентированных обстоятельствах, которые, как она сама признавала, были обусловлены соображениями секретности и в конечном счете представляли собой акт здравого смысла [24]. Характерно и другое: за время пребывания в Советском Союзе чета Колдуэллов ни разу не столкнулась с дефицитом общения с простыми людьми как в столице, так и на периферии (в Грузии, на Кубани и в других местах), и эта близость, сопричастность к радостям и трагедиям человека, находящегося рядом, порождали реальную возможность сблизиться с ним как с другом и сообща вершить исторический подвиг. Совершенно незабываемое впечатление оставляют страницы книги М. Борк-Уайт, рисующие ее ночные дежурства на крышах американского и английского посольств, на балконе гостиницы, превращенном в своеобразную смотровую площадку для наблюдений за воздушными налетами «люфтваффе». «Я убеждена, — читаем мы в одном из репортажей, — что материал большей части корреспонденций о ночных налетах на Москву, появившихся в американской печати, был почерпнут с нашего великолепного балкона» [25]. Движимая своим профессиональным долгом, в погоне за уникальным и впечатляющим оптическим эффектом журналистка не раз испытывала судьбу, однако настоящим потрясением для нее стало достаточно близкое знакомство с московскими ополченцами, в которых она увидела носителей и творцов беспримерного духа мужества и отваги.

Именно москвичи всех возрастов и профессий — главные персонажи ее хроники. Увиденные и документально запечатленные в контексте неповторимого очарования и уникальности момента, они как бы образуют некую панорамную мозаику, в которой в одно целое соединяются их личные черты и судьбы с судьбой всей страны. Не случайно М. Борк-Уайт всегда в густой толпе — среди машинистов и других железнодорожников возле вокзала Октябрьской железной дороги, выражающих решимость «сражаться не только за нашу Родину, но и за будущее всего прогрессивного человечества» [26]; на резиновой фабрике, где «работницы торжественно обязуются заменить мужчин, чтобы те могли уйти на фронт» [27]; на автозаводе, где «число добровольцев росло с такой стремительностью, что людей, занятых на важных операциях, пришлось даже убеждать, чтобы они не оставляли работу, пока их не смогут сменить женщины» [28]. На курсах санитарок журналистка увидела, как «по знаку преподавателя учащиеся принялись бинтовать друг другу головы с удивительной быстротой и такой энергией, что еехватило бы на целую армию раненых» [29]. «В эти первые драматические недели войны, — продолжает автор книги, — на любом предприятии рядом чуть ли не с каждым рабочим можно было увидеть его жену, невесту или какую-нибудь постороннюю женщину, которую он обучал своей профессии. Женщины занимались на вечерних курсах, стремясь повысить свою квалификацию: для них стало делом чести поддерживать производство на том уровне, которого добились их мужья и братья... Советские граждане всегда относились к работе с большой серьезностью, а уж работе на оборону они отдавали себя целиком» [30]. Патриотический порыв столь велик и всеобъемлющ, что им оказались охвачены и дети, которые по ночам патрулировали улицы «и стучали в квартиры, предупреждая хозяев, если сквозь плохо занавешенное окно пробивался свет, следили еще и за тем, чтобы ящики с песком и ведра с водой, приготовленные для тушения зажигательных бомб, были всегда полны. Пионеры ходили в магазины и помогали по хозяйству женщинам, которые сменили у станков ушедших на фронт мужчин» [31].

М. Борк-Уайт не только свидетель, но и интерпретатор событий, весьма тонко формирующий отношение к ним. Мастер емких жанровых зарисовок, она очень

часто поднимается до больших идейно-образных обобщений, высвечивающих целую гамму чувств — от тревоги и потрясенности до обретения надежды. Образцом полихромности стиля М. Борк-Уайт, в чем-то напоминающего приемы Э. Хемингуэя, может служить фрагмент главы «Первые дни войны»: «И день за днем под балконом нашего номера в отеле «Националь» проходили мужья этих женщин. Стройными шеренгами они шли к вокзалу, чтобы отправиться дальше на фронт, а по тротуарам торопливо шагали провожающие их матери и жены.

Стихийная запись в добровольцы сменилась более организованным процессом мобилизации. Теперь актеров и оперных певцов, которые просились в действующую армию, уже не брали солдатами, а направляли на специальные мобилизационные пункты, где работа велась под звуки арий. И вслед за армейскими частями к линии фронта отбывали концертные бригады, чтобы выступить на передовых позициях» [32].

Фронт и тыл представлены М. Борк-Уайт в неразрывной целостности. Всенародная поддержка — вот тот краеугольный камень, на котором зиждется мощь Красной Армии, перед которой поставлена великая цель — Победа в смертельной схватке с фашистскими оккупантами. Американская журналистка с явным сочувствием воспроизводит слова-символы из вновь появившегося на экранах «Александра Невского», объединенные в уникальный монолит, в лейтмотив-предупреждение: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет Земля Русская!» [33]. Желание супругов Колдуэлл попасть на фронт и воочию убедиться в героическом сопротивлении Красной Армии было так велико, что они со всей определенностью отклонили совет посла Лоуренса А. Стенхарта эвакуироваться во Владивосток [34].

В репортажах, посвященных пребыванию М. Борк-Уайт в действующей армии, просматриваются те же главные качества журналистки, о которых упомянуто выше. Многочисленные встречи с непосредственными участниками боев на дальних подступах к Москве, с населением, пострадавшим от врага, вырастают в свидетельство о достойном и мужественном поведении людей в солдатской шинели, оказавшихся в крайне тяжелых условиях. Не располагая достоверной информацией о катастрофе, постигшей наш Западный фронт в первые же дни гитлеровской агрессии, о масштабах и последствиях этой катастрофы, М. Борк-Уайт тем не менее осознала очевидную истину — происходившее на ее глазах было истинным героизмом в самом высоком значении этого понятия, это был величайший подвиг, достойный того, чтобы в корреспонденциях за океан ярко и взволнованно рассказать о нем, подчеркнув при этом, какая глубокая и надежная основа лежит в том добром чувстве, которое испытывает она к русским людям и воюющей России в целом [35].

Трудно, сохраняя хладнокровие, читать с пронзительной болью воспринимаемые автором подробности о «слезах и крови» Вязьмы, куда во второй половине сентября прибыла М. Борк-Уайт вместе с группой американских и английских репортеров и где увидела череду трагедий и катаклизмов, но не столько со стороны, как наблюдатель, сколько изнутри. Не случайно нервный шок, на какой-то момент нейтразуемый привычным профессиональным рефлексом, еще долгое время не отпускает мастера. «Когда мне надо снимать что-либо подобное, — признавалась журналистка, — со мной происходит странная вещь: мое сознание словно отключается и только бесстрастно определяет, какую поставить диаграмму, какую дать выдержку. Это отключение длилось все время, пока я снимала. Но когда много дней спустя я проявила эти негативы, то не смогла заставить себя взглянуть на них. Дальнейшую работу с ними мне пришлось поручить другим» [36]. При этом фотоискусство М. Борк-Уайт постоянно выходит за узко-функциональные рамки, приобретая неожиданный политический резонанс, но при одном неслучайном условии — слиянии с текстом, будь то подписи к снимкам или развернутый к ним комментарий.

Книга «С фотоаппаратом на войне в России» имеет, можно сказать, свой особый жанр. Восемнадцать глав и как органический фрагмент почти сто фотографий образуют сложное единство журналистского расследования, репортажа, очерковых зарисовок, касающихся военных, социальных, политических, культурных, бытовых аспектов сражающейся России. Тема этого разнородного материала, насыщенного лиризмом, иронией, риторическими пассажами, шуткой и юмором, развертывается в обстоятельно разработанном сюжетостроении, наделенном всеми признаками антивоенной публицистики. Репортажи М. Борк-Уайт подкупают, в первую очередь, своей антифашистской направленностью, осуждением гитлеризма с его преступным кодексом шовинизма и «белокурой бестии». Эта тенденция с особой силой заявлена в главе «Мы отправляемся на фронт», но пацифистские настроения проступают едва ли не на каждой странице ее книги. Дерзким вызовом ведомству Геббельса и пораженческим настроениям, широко бытовавшим на Западе и в тех же Соединенных Штатах Америки в начале Великой Отечественной войны, прозвучал эпизод пленения и допроса немецких летчиков, самолет которых был подбит советским истребителем и совершил вынужденную посадку всего в шести милях от линии фронта, где в это время и находилась М. Борк-Уайт. Из поля зрения журналистки, имевшей опыт общения с немецкими военнопленными, находившимися в московских госпиталях, не ускользнули детали, важнейшие для понимания психики солдат вермахта. Это были не милитаристские монстры, охваченные фанатической преданностью национал-социализму, и не герои, преисполненные энергии и динамики. «Передо мной, — отмечает М. Борк-Уайт, — были незрелые юнцы, неспособные мыслить самостоятельно, ко всему равнодушные. Возможно, лихорадочное обожание фюрера действительно существует, но мне ни разу не довелось с ним столкнуться. Не заметила я и ненависти — ничего, кроме слепой привычки выполнять приказ... Но их сознание было сознанием автоматов. Возможно, они типичны для молодого поколения третьего рейха, которое росло, втиснутое в жесткие рамки» [37]. Катастрофический упадок всей образовательной системы при нацистской диктатуре — прямое следствие тотального оболванивания молодежи, считает американская журналистка. «Быть может, — говорит она, — именно в этом и заключается одна из величайших опасностей войны и постоянной нацеленности на нее» [38]. К сказанному М. Борк-Уайт добавляет любопытный штрих — один из допрошенных пилотов бросает взгляд на большой плакат, на котором изображен фюрер, отбрасывающий гигантскую тень Наполеона. «Не думаю, — комментирует журналистка, — чтобы немец смог прочесть подпись к карикатуре «Смерть всем, посягающим на нашу священную землю!», но мне показалось, что он понял ее смысл» [39].

Общая панорама фронта, еще не успевшего стабилизироваться после ощутимого поражения, нанесенного противнику частями Красной Армии под руководством Г.К. Жукова под Ельней, воспринимается М. Борк-Уайт в известной мере умозрительно, но ее выручает счастливый дар — находиться в плотном окружении тех, кто не понаслышке знаком с трудами и опасностями войны. Разведчики и танкисты, рядовые красноармейцы и командиры делились с ней квалифицированной информацией, и через призму их видения происходящего формировались и ее оценки. Но М. Борк-Уайт претендовала на большее, и ей разрешили лицом к лицу встретиться с «русской войной» в непосредственной близости от передовой — случай с иностранной женщиной-корреспондентом, едва ли повторенный в Великой Отечественной войне.

Фронтовые записки М. Борк-Уайт донесли до нас (а еще раньше — до американской и международной общественности) образы первых героев этой «русской войны» — и безымянных народных мстителей, и совсем юных девушек, состоявших в пожарных расчетах, и женщин, тушивших пожары на крышах московских зданий, и пулеметчиков, и медсестер, и тех, кого успела узнать вся страна, — в частности, Виктора Талалихина, «одного из зачинателей знаменитой советской тактики тарана» [40].

Ряд эпизодов фронтовой хроники написан с исключительным мастерством — это страницы, посвященные медсестре и отважной разведчице Тане (с которой М. Борк-Уайт познакомилась под Смоленском, с которой была в незабываемой «командировке» у самой линии огня) [41]; и описание мест сражений под Ельней, «где война бушевала с сокрушительным неистовством и где после боев, каких еще не знал мир, русским удалось окончательно отбить город у врага. Это была поистине священная земля — первая, на которой после неслыханной битвы вновь был водружен советский флаг, и мы явились туда почти сразу же вслед за победой» и т.д. [42].

Воспроизведенные «Иностранной литературой» главы из книги «С фотоаппаратом на войне в России» составляют лишь малую толику ее объема. Между тем оставшееся за рамками перевода представляет не меньший интерес. Учитывая ограниченный объем публикации, остановимся на тех недостающих звеньях, которые вносят в исповедь М. Борк-Уайт дополнительный смысл, связывая воедино время, проведенное ею в тылу и на фронте. Пребывание в СССР невольно обращало взор американской журналистки на политико-правовые аспекты государственной системы, оказавшейся перед лицом исторического испытания. «Война, как мне показалось, вызвала почти беспрецедентное единство советского народа, — пишет М. Борк-Уайт и продолжает: — Иностранцы наблюдатели, которые полагали, что давление военного конфликта приведет к развалу коммунистической системы, оказались не правы. Русские заявили о себе как народ, тесно сплоченный вокруг этой системы» [43].

Объяснение этому журналистка находит, в чем нетрудно убедиться, в официальной прессе, но наряду с постулированием известных тезисов («советские граждане, по-видимому, не желают перемен» и т.п.), отмечает, правда, без особого нажима, несовместимость «коммунистического режима» и «демократического общества». Разгром организованной оппозиции воспринят М. Борк-Уайт двойственно: покончив с «пятой колонной» (в этом она видит, естественно, один из секретов возросшей мощи СССР), советская власть посеяла страх в народе, «который заметен даже среди патриотически и лояльно настроенных граждан» [44]. Боязнь впасть в идеологический грех, ошутимая, в первую очередь, среди творческих работников, послужила, полагает автор книги, симптомом к бросающейся в глаза заторможенности духовной жизни. На смену смелому экспериментированию (например, в театре) пришел конформизм. Однако с началом фашистского нашествия единение народа и власти «становилось все более явным и страх исчезал» [45]. У населения появилось «так много новых задач, которые демонстрировали его лояльность, что уже не оставалось опасения, что его патриотизм можно поставить под сомнение» [46].

Как бы то ни было, «театр, балет и опера оставались в отличной форме, а актерское мастерство, танцевальное искусство и музыка — неизменно великолепными». Несмотря на бомбежки открыты все столичные театры, которые вынуждены давать представления по утрам. По-прежнему ставится Шекспир, при полных залах идет «Школа злословия» Шеридана, «и великим фаворитом на протяжении многих лет является спектакль «Анна Каренина», в котором секвенции, напоминающие драгоценный алмаз, и безупречная техника актерского перевоплощения создали ему славу эталона совершенства, редко выпадающую на долю театра» [47]. М. Борк-Уайт не обошла вниманием ведущих солистов театра оперы и балета Н.И. Барсову и С.Л. Лемешева и паломничество публики на их спектакли и многое другое.

Будучи гостями Московского университета, отмечавшего в те дни свое 185-летие, супруги Колдуэлл были приятно удивлены широкой осведомленностью студентов в американской литературе (Д. Стейнбек, Т. Драйзер, Р. Райт). М. Борк-Уайт отметила большой интерес к творчеству Э. Колдуэлла, Э. Хемингуэя (роман которого «По ком звонит колокол» оставался непереведенным на русский язык ввиду «неортодоксального отношения автора к советским военным специали-

стам») [48], а также М. Митчелл (роман которой «Унесенные ветром» был неизвестен советскому читателю, поскольку в нем усматривалось «прославление рабства») [49]. М. Борк-Уайт информировала соотечественников, что произведения Т. Драйзера, Д. Лондона, Э. Синклера издаются в СССР массовым тиражом [50].

Учитывая насыщенность программы пребывания супругов Колдуэлл, не приходится удивляться многообразию и содержательности их встреч и знакомств. Помимо официальных приемов в Союзе советских писателей (с участием М.А. Шолохова, И.Г. Оренбурга, В.П. Катаева, Е.П. Петрова и других) и Обществе культурных связей с зарубежными странами, помимо участия в регулярно проводившихся начальником Советского Информбюро С.А. Лозовским пресс-конференций для иностранных журналистов и конференциях, организуемых редакцией «Правды», гости столицы не упустили возможности завязать доверительные отношения с Любовью Орловой и Григорием Александровым [51]. Московский метрополитен, служивший журналистам постоянным бомбоубежищем, восхитил их не только своей масштабностью, изяществом исполнения и орнаментальным богатством, но и поразительной чистотой. «Сидеть на путях московского метро можно даже в нарядном платье — в такой чистоте оно содержится, — сообщила М. Борк-Уайт. — И вот я сидела на путях и считала часы. Рядом со мной человек в комбинезоне и вышитой тюбетейке читал иллюстрированное издание стихов Пушкина» [52].

Е.А. Долматовский, автор предисловия к фрагментам русского перевода книги М. Борк-Уайт, в прошлом ветеран-метростроевец, воспринял эти наблюдения с понятным волнением, а упоминание о москвиче, который не растается с А.С.Пушкиным во время воздушной тревоги, назвал многозначительным [53].

Глава под несколько необычным названием «Бог в России» убеждает, что Россия вошла в биографию М. Борк-Уайт совершенно особой, личной и глубоко страданной темой. Цепкий ум журналистки не мог не отметить, что война побудила режим несколько смягчить концептуальные модели антицерковной политики и что подобное решение было стратегически правильным и тактически своевременным. Из посещения московских храмов М. Борк-Уайт вынесла убеждение, что высшие иерархи Русской Православной церкви и массы верующих с большим удовлетворением восприняли возможность свободного отправления религиозных культов. Говоря о доблестном поступке церкви, не растерявшейся, но призавшей народ подняться на защиту Отечества, памятуя обращение Христово «Больше сея любви никто не имеет, да кто душу свою положит за други своя», американская журналистка с несомненным сочувствием воспроизводит соответствующие фрагменты душеспасительной проповеди Патриаршего Местоблюстителя Блаженнейшего митрополита Сергия (Страгородского), обращенной к пастве. Встречи и беседы, которые М. Борк-Уайт имела с представителями церковного клира, дают основание полагать, что она не могла в полном объеме осознать происходящие изменения в отношении Советского государства к церкви и антирелигиозной пропаганде, еще вчера захлестывавшей страну. Но здесь важно другое — перед иностранным корреспондентом, посланцем иной культуры и цивилизации, пожалуй, впервые приоткрылись глубины русского религиозного сознания, заставившего отступить агрессивный атеизм. Характерно, что последний не связывается М. Борк-Уайт с именем И.В. Сталина. Более того, она узнала, что церковь получает лицензию от правительства и совершенно свободна от какого-либо посягательства на ее автономию. Будучи приглашенной в дом М.А. Орлова, руководителя московской Баптистской церкви и председателя Всесоюзного Совета евангелистов, и заметив на стене портрет В.И. Ленина, на свой вопрос, что он думает о В.И. Ленине, дотошный репортер услышала буквально следующее: «Мы считаем его подлинно великим человеком с добрым сердцем и исключительно мудрым. Если бы это было не так, широкие массы трудового народа не стали бы его последователями. Это ненормально, когда в капиталистических странах существует

такое различие между богатыми и бедными. Мы рассматриваем социальную программу Ленина как очень близкую библейским заповедям» [54].

Одной из несомненных творческих удач М. Борк-Уайт, по-своему завершающей ее пребывание в России, является фотография, на которой запечатлена встреча И.В. Сталина с Гарри Гопкинсом 1 августа 1941 года. В этой работе автор проявляет себя как хроникер, комментатор и художник, тяготеющий к сложному и многоаспектному восприятию образа человека. За внешним спокойствием и сдержанностью обоих политиков чувствуется некое исходное начало, заключающее в себе осознание исключительной ответственности и драматизма переживаемого момента. Эффект убедительности достигнут благодаря тщательно продуманной и сложно организованной съемке, но очевидно, что она была подчинена идее военно-политического сотрудничества США и СССР и целям антифашистской пропаганды. Обращает на себя внимание и другая немаловажная деталь — журналистка пытается приблизиться к разгадке личности советского лидера, которая рассматривается в контексте складывающейся канонизации его образа (глава «Начало легенды») [55].

Как считают специалисты, снимкам И.В. Сталина, выполненным М. Борк-Уайт, присуще тонкое сочетание портретной фотографии с элементами психолого-аналитического восприятия модели [56].

По возвращении в США М. Борк-Уайт с еще большей остротой, нежели в России, ощутила смысл открывшейся ей истины. «Я вдруг осознала, — пишет она в заключение, — чем была для меня наша поездка. Я своими глазами видела, как творится история. Я нашла новых друзей, принадлежащих к доблестному народу. Я видела, как стойко защищают они свою Родину — с тем мужеством и самоотверженностью, на которые способны только люди, глубоко верящие в то, во имя чего они трудятся и для чего сражаются» [57].

Миссия в Москву оказалась изначально связанной с исполнением функций, которые потребовали от М. Борк-Уайт большого такта и психологической выдержки, что, к счастью, вполне гармонировало с ее способностями и нравом. Будучи одной из вершин в журналистской карьере М. Борк-Уайт, ее книга «С фотоаппаратом на войне в России» американской критикой рассматривалась именно в аспекте воплощенного в ней единства профессиональных и личностных качеств выдающейся журналистки.

Как отмечала Айрис Барри, это «поразительно современная книга не только потому, что она олицетворяет возможности женской эмансипации и мобильного использования воздушного флота и столь живо изображает планету, охваченную войной, и не только потому, что идет навстречу нынешним потребностям в визуальной документации и непосредственном опыте пережитого. Обычному человеку, равно как и будущему историку, она ненавязчиво и эффективно показывает исключительную скромность автора при таком блистательном исполнении» [58].

В сущности, это наилучшая практическая школа, которую можно только пожелать всякому, вступающему на журналистскую стезю.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Emerey, M., Emery, E. *The Press And America. An Interpretative History Of The Mass Media*. Prentice Hall, Englewood Cliffs, New Jersey, 7-th ed., 1992; См. также: Evans, H. *What A Century!* – *Columbia Journalism Review*, 1999 (January/February). P. 27–37.

² White, M. Bourke. «Eyes on Russia». N.Y., 1931.

³ Этими фильмами были «Eues on Russia» и «Red Republic».

⁴ White, M. Bourke. «U.S.S.R., A Portfolio of Photographs». N.Y., 1934.

⁵ White, M. Bourke; Caldwell E. «You Have Seen Their Faces». N.Y., 1937.

⁶ White, M. Bourke; Caldwell E. «North Of The Danube». N.Y., 1939.

⁷ White, M. Bourke; Caldwell E. «Say! Is This U.S.A.». N.Y., 1941.

⁸ White, M. Bourke. «They Called It Purple Heart Valley; A Combat Chronicle Of The War In Italy». N.Y., 1944.

- ⁹ White, M. Bourke. «Dear Fatherland Rest Quietly: A Report On The Collapse Of Hitler's «Thousand years». N.Y., 1946.
- ¹⁰ White, M. Bourke. «Shooting The Russian War. Written And Photographed By (the author)». N.Y., Third printing, 1943.
- ¹¹ Борк-Уайт М. С фотоаппаратом на войне в России. Фрагменты из книги. Перевод с английского И. Гуровой; Блок Ж.-П. Репортажи из Москвы. Комментарии, переданные по Московскому радио в 1941–1944 годах. Фрагменты из книги. Перевод с французского Л. Долматовского // Иностранная литература, 1975. № 5. С. 227.
- ¹² White, M. Bourke. How I Photographed Stalin And Hopkins Inside The Kremlin. Life, vol. 11. P. 25–29, September 8, 1941; Moscow A Week Before The Nazi Invasion Began; Photographs. Life, vol. 11. P. 17–27, August 11, 1941; Moscow Fights Of The Nazi Bombers And Prepares For A Long War; Photographs. Life, vol. 11. P. 15–21, September 1 1941; Muscovites Take Up Their Guns As Nazi Horde Approaches Russian Capital; Photographs. Life, vol. 11. P. 33–39, November 17, 1941.
- ¹³ White, M. Bourke. Photographer In Moscow. Harper's (magazine), vol. 184. P. 414–420, March, 1942.
- ¹⁴ White, M. Bourke. «Shooting The Russian War...». P. 7.
- ¹⁵ Глава. The Last Days Of Peace. Указ. изд. P. 30.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. P. 31.
- ¹⁹ Торжественное собрание в Большом Кремлёвском дворце, посвящённое выпуску командиров, окончивших военные академии. «Правда», 6 мая 1941.
- ²⁰ White, M. Bourke. «Shooting The Russian War...». P. 31.
- ²¹ Об этом М. Борк-Уайт рассказывает в главе 2 «Microphones And A Boudoir Clock». Указ. изд. P. 133–135.
- ²² См.: Weingast, D.E. Walter Z. A Study In Personal Journalism. With An Introduction By Harold Z. Ickes. Rutgers University Press. New Brunswick, New Jersey, 1949.
- ²³ White, M. Bourke. «Shooting The Russian War...» Глава «I Photograph Stalin». P. 205.
- ²⁴ Указ. изд., глава «We Go To The Front». P. 22.
- ²⁵ Борк-Уайт М. С фотоаппаратом на войне в России. Фрагменты из книги // Иностранная литература, 1975. № 5. С. 232.
- ²⁶ Указ. изд. С. 228.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С. 228–229.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 229.
- ³³ White, M. Bourke. «Shooting The Russian War...». Глава «The First Days Of War». P. 59.
- ³⁴ Там же. P. 58.
- ³⁵ White, M. Bourke. «Shooting The Russian War...». Глава «Death And Life On The Battlefields». P. 253–270.
- ³⁶ Борк-Уайт М. «С фотоаппаратом...». С. 236.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ White, M. Bourke. «Shooting The Russian War...». P. 238.
- ⁴⁰ Борк-Уайт М. «С фотоаппаратом...». С. 241.
- ⁴¹ Там же. С. 240.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ White, M. Bourke. «Shooting The Russian War...». Глава «The Soviet Way». P. 174, 177.
- ⁴⁴ Там же. P. 179.
- ⁴⁵ Там же. P. 179–180.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. P. 180.
- ⁴⁸ Там же. P. 164.
- ⁴⁹ Там же. P. 167.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. P. 176–179.
- ⁵² Борк-Уайт М. «С фотоаппаратом...». С. 229.

⁵³ Долматовский Е. Кадры великой эпопеи. Иностранная литература, 1975. № 5. С. 227.

⁵⁴ White, M. Bourke. «Shooting The Russian War...». Глава «God In Russia». Р. 153.

⁵⁵ «The Beginning of A Legend». Указ. изд. Р. 195–204. В этой главе автор делится воспоминаниями о прошлых поездках в Грузию, о посещении Гори, о встрече с Екатериной Джугашвили, матерью И.В. Сталина. Фотография Е. Джугашвили, выполненная М. Борк-Уайт в 30-е годы, тогда же была отправлена в Москву лично И.В. Сталину. Впрочем, главный интерес журналистки сосредоточен на другом. Она пытается уяснить, почему И.В. Сталин в сознании масс фигурирует как образ высшего порядка. Сложение «легенды» о советском лидере прослеживается М. Борк-Уайт в контексте некоторых телеологических установок, в частности, в монументальном искусстве (изображение И.В. Сталина на фоне строек социализма) и т.д. Специфические особенности сталинского облика, выступавшие в средствах монументальной пропаганды и послужили побудительным толчком к тому, чтобы добиться трудного разрешения сфотографировать Сталина» (Р. 197). «Мне хотелось, — признаётся М. Борк-Уайт, — запечатлеть этот массивный легендарный облик на панхроматической плёнке, пропустив его через мои собственные линзы, чтобы убедиться, обычный ли это человек или сверхчеловек» (там же).

В главе «The beginning of a Legend» содержится любопытный комментарий к известной беседе И.В. Сталина с Лионом Фейхтвангером (Р. 197–198).

⁵⁶ Boston Globe. July 15, 1942. Р. 17.

⁵⁷ Борк-Уайт М. «С фотоаппаратом...». С. 242.

⁵⁸ Books, July 12, 1942. Р. 3.